

ПРИРОДООХРАННАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ И МАРГИНАЛИЗАЦИЯ МАЛЫХ НАРОДОВ (НА ПРИМЕРЕ ОРОЧОНОВ КИТАЯ)

МАКСИМ СЕРГЕЕВИЧ МИХАЛЕВ

(Институт этнологии и антропологии им. Н. Н. Миклухо-Маклая РАН: Российская Федерация, 119991, г. Москва, Ленинский пр-т, д. 32а)

***Аннотация.** Подчеркнутая «экологичность» культуры малых народов, сохранивших до настоящего времени традиционный уклад жизни и исповедующих бережное отношение к окружающей среде, отмечается многими современными исследователями. В поисках утраченной гармонии во взаимодействии природы и человека ученые всё чаще и чаще обращаются к их действительно оригинальным мировоззренческим концепциям и религиозным верованиям. Однако экологичность в контексте малых народов имеет и свою обратную сторону, о которой упоминают реже или предпочитают не упоминать вовсе. Дело в том, что на самом деле она продиктована не заботой о природе как таковой, а является, скорее, следствием потребности в наличии набора практических правил, с помощью которых человек регулирует взаимовыгодное взаимодействие со своим природным началом. Понимаемое же превратно, как запретительная деятельность, традиционное знание коренных народов оказывается в результате направленным против них самих. Последствия подобного недоразумения можно наблюдать, в частности, в Китае, где в стремлении сохранить природные ресурсы страны государство настойчиво и при этом довольно успешно запрещает, регулирует или превращает в декоративно-туристические те виды деятельности, которые для коренных народов пограничных районов страны являются важной составной частью их традиционного образа жизни и важным элементом взаимодействия с окружающим миром. Одним из примеров охранительной политики, которая в результате своего слишком «успешного» осуществления приводит к маргинализации коренных народов и исчезновению их самобытной культуры, является запрет на охоту, который в 1996 г. инициировало правительство Ороchonского автономного хошуна на северо-востоке КНР. В данной статье анализируются социальные, экономические и культурные последствия, вызванные подобной необдуманной природоохранной деятельностью.*

***Ключевые слова:** орочоны, малые народы Китая, охота, традиционная культура, природоохранная деятельность.*

Культура или природа: неочевидная дилемма

В наши дни довольно часто на страницах научных и научно-популярных изданий можно повстречать аналогии, проводимые

между деятельностью по сохранению традиционной культуры и борьбой за поддержание биологического разнообразия [Pretty 2009]¹. Появление подобных параллелей не должно вызывать удивления,

¹ Некоторые исследователи идут дальше и вводят в научный обиход понятие биокультурного разнообразия, см., к примеру: [Maffi 2001].

Эвенкийский фермер с женой, окрестности города Наньтун, Эвенкийский автономный хошун, городской округ Хулун-Буир, Автономный район Внутренняя Монголия. Фото М. С. Михалева, сентябрь 2009 г.
Evenk farmer with his wife, nearby Nantun, Evenk Autonomous Banner, Hulun Buir City, Inner Mongolia Autonomous Region. Photo by M. Mikhalev, 2009

ибо наибольшую озабоченность обоими вышеуказанными вопросами, как правило, выражают схожие по своей мировоззренческой и социальной позиции группы людей, которые часто в своей решимости «изменить мир к лучшему» руководствуются одними и теми же идеологическими постулатами². С их точки зрения, общими угрозами для поддержания и культурного, и биологического многообразия планеты являются не до конца продуманная глобализация, несбалансированная индустриализация и все возрастающая культурная гомогенизация, которые в большинстве случаев идут рука об руку. При этом со времен выхода книг Карлоса Кастанеды, а возможно, еще со времен Ж.-Ж. Руссо в среде мыслящих в данном ключе исследователей и общественных деятелей принято считать, что мировоззрения аборигенных народов Земли содержат в себе мощный и до конца не оцененный экологический посыл. Более того, приписываемое ими этим народам бережное отношение к окружающей среде, их глубокая вовлеченность в ход

природных процессов и тонкое понимание механизмов их функционирования способны, по убеждению многих, стать путеводной звездой и для современных людей, потерявших в ходе эволюции связь со своими корнями и вставшими на путь губительного самоуничтожения. Подобные тезисы с энтузиазмом усваиваются наиболее прогрессивно мыслящими представителями вышеупомянутых народов, которые сначала робко, а затем всё более уверенно примеряют на себя одежды хранителей исконной экологической мудрости. Как итог они всё чаще посещают разнообразные научные конгрессы, посвященные экологической проблематике, дают многочисленные интервью по вопросам взаимодействия человека и природы и даже публикуют собственные монографии, посвященные принципам и практикам природоохранной деятельности³.

Несмотря на то что в подобных размышлениях о тесной взаимосвязи традиционной культуры малых народов и биологического разнообразия планеты

² Речь, прежде всего, идет о создателях, участниках и активных сторонниках разнообразных международных НКО. В качестве иллюстрации популярности данной позиции в их среде можно, к примеру, взять программные заявления, размещенные на сайтах Всемирного фонда дикой природы или ЮНЕСКО.

³ В качестве успешного примера такой общественно-политической и просветительской деятельности представителей малых народов в нашей стране можно упомянуть алтайского активиста Данила Мамыева и его Школу экологии души «Тенгри», см.: [Михалев 2012].

Современное жилище ороочонов, Шибачжань-Ороочонская национальная волость, уезд Тахэ, округ Большой Хинган, провинция Хэйлунцзян. Фото Сэньдэ, август 2016 г.

Oroqen modern dwelling. Sibazhan Oroqen Ethnic Township, Tahe County, Daxing'anling Prefecture, Heilongjiang Province. Photo by Sende, 2016

содержится рациональное зерно, а также на то, что цели и принципы работы охранительных движений как в сфере культуры, так и в сфере экологии действительно схожи, не стоит забывать и о том, что культура и природа (culture and nature) не являются идентичными или хотя бы схожими понятиями. Более того, каждое из них характеризуется собственными интересами и зонами ответственности, которые иногда входят в прямое противоречие друг с другом. В этом случае попытки совместить борьбу за сохранение биологического и культурного разнообразия могут приводить не просто к острым дискуссиям, но и к открытому противостоянию. Именно о ситуации конфликта между природоохранной деятельностью государства, которое проявляет искреннюю заботу о сохранении окружающей среды, и интересами коренного населения, чей образ жизни и культурный код тесно переплетены с природным окружением, но которое в результате лишается к нему прямого доступа, и пойдет речь в этой статье. Говоря детальнее, она будет посвящена негативному воздействию на традиционный уклад жизни коренных народов северо-востока КНР политики полного запрета на осуществление охотничьей деятельности, который 23 января 1996 г. правительство Ороочонского

автономного хошуна городского округа Хулун-Буир Автономного района Внутренняя Монголия ввело на всей своей территории. Продиктованное благими целями сохранения биологического разнообразия и обоснованное необходимостью бережного отношения к ресурсному потенциалу страны, это решение в то же время привело к серьезному негативному воздействию на ситуацию с сохранением традиционной культуры и образа жизни одного из самых малочисленных народов Китая — ороочонов.

Осознавая всю глубину противоречия культуры и природы, а также в полной мере понимая необходимость как серьезных мер по защите окружающей среды от пагубного воздействия человека, так и мер по сохранению этнического разнообразия планеты, автор не ставит перед собой задачи предложить то или иное решение, способное разрешить возникшее между двумя этими целями противоречие. Скорее, целью данной работы, посвященной воздействию природоохранной деятельности государства на жизненный уклад и традиции коренного населения, является привлечение внимания к тому неочевидному в среде защитников биологического разнообразия планеты факта, что забота об окружающей среде далеко не всегда означает и заботу о человеке.

Хочется верить, что итогом дискуссии, которая может возникнуть в этой связи, будет осознание, что искренняя любовь к природе, которая действительно характерна для культур многих малых народов планеты, ни в коей мере не эквивалентна тотальной опеке и внедрению запретительных мер, чем так часто характеризуется природоохранная деятельность государственных и неправительственных организаций. Как представляется, именно любви и вовлеченности как противовесу опеке и запретам должны учиться так называемые «цивилизованные» государства у аборигенных народов планеты, которые сохранили тесную связь со средой своего обитания. В этом заключается та самая мудрость, что позволяла и до сих пор позволяет им жить с окружающей средой в настоящей гармонии.

Орочоны Китая: охотники без охоты

В классификационной сетке малых народов, что была составлена китайскими этнографами в 1950-е гг. на основе так называемого «сталинского» определения нации⁴, орочонам отводится строго определенное место. С точки зрения официальной науки орочоны являются малочисленным народом, принадлежащим к тунгусо-маньчжурской языковой группе, который населяет горно-таежные пространства северо-востока Китая и относится к хозяйственно-культурному типу охотников и собирателей. В действительности именно последний фактор и позволил китайским ученым выделить орочонов из состава родственных им с точки зрения языка и культурного комплекса эвенков, которые в Китае сильно монголизированы и при этом в массе своей заняты в пастбищном скотоводстве или даже, частично, в земледелии. Лишь небольшая группа эвенков, проживающих в местности Аолугуя (уезд Гэньхэ городского округа Хулу-буир Автономного района Внутренняя Монголия), продолжает до наших дней заниматься охотой и оленеводством.

Безусловно, в этом довольно условном разделении на народы присутствует определенная противоречивость, ибо этноним «орочоны» означает не что иное, как «оленоводы», в то время как оленеводством орочоны как раз и не занимались, предпочитая охотиться на дикого северного оленя в тайге. Кроме того, в среде самих эвенков и орочонов Китая присутствует четкое осознание этнического и культурного единства как между двумя этими искусственно разделенными национальностями, так и с эвенками России, у которых официального разделения на орочонов и эвенков не существует⁵. Десятилетия жизни по разные стороны государственной границы и десятилетия навязываемой извне идентификации в качестве двух разных национальностей, безусловно, сказались на духовной и материальной культуре эвенков и орочонов Китая, но на более глубоком уровне самосознания они всегда считают себя единым этносом.

Несмотря на свою крайне небольшую численность⁶, орочоны довольно рано обрели административный суверенитет. Уже 1 октября 1951 г., т.е. всего через два года после образования КНР, на территории Автономного района Внутренняя Монголия был создан Орочонский автономный хошун со столицей в Алихэ. Другими словами, в течение многих десятилетий они обладали и до сих пор обладают значительными административными ресурсами для поддержания своей культурной и социальной автономии. Столь благоприятная политико-административная ситуация, однако, не смогла уберечь их от утраты родного языка, эрозии национальной культуры и серьезных внутренних конфликтов в вопросах самоидентификации. Можно сказать, что, в отличие от тех же эвенков или дауров, которые проживают с ними по соседству, орочоны в гораздо большей степени растворились в активно наступающей на культуру малых народов ханьской культуре. И это при том, что районы традиционного проживания орочонов довольно труднодоступны,

⁴ «Нация есть исторически сложившаяся, устойчивая общность людей, возникшая на базе общности языка, территории, экономической жизни и психического склада, проявляющегося в общности культуры» [Сталин 1946, 296].

⁵ Вместо этого иногда используется термин эвенки-орочоны.

⁶ В соответствии с данными Всекитайской переписи населения 2010 г. в Китае проживает лишь чуть более 8 тыс. орочонов.

Въезд в Баиньна-Орочонскую национальную волость. Баиньна-Орочонская национальная волость, уезд Хума, округ Большой Хинган, провинция Хэйлунцзян. Фото Сэнъдэ, август 2016 г.

Entrance to Baiyinna Oroqen Ethnic Township, Huma County, Daxing'anling Prefecture, Heilongjiang Province. Photo by Sende, 2016

а потому влиянием вездесущей модернизации и сопутствующей ей гомогенизации столь существенное падение уровня национального самосознания объяснять не всегда возможно. В действительности вызовы, с которыми столкнулась их традиционная культура, оказались несколько иного характера.

Все дело в том, что, как уже было отмечено, основой жизненного уклада орочонов и в то же время базисом их культурной самоидентификации до недавнего времени являлась охотничья деятельность. Охотились орочоны на оленя, кабана, косулю, медведя, лося [Орочоны 2003]. Хотя в соответствии с официальной точкой зрения орочоны уже с середины 1950-х гг. полностью перешли на оседлый образ жизни, именно охота и собирательство представляли им средства к существованию до самого недавнего времени. Продукты охоты, такие, как шкуры оленя или косули, использовались ими в производстве одежды, а мясо косули и кабана составляло основу продовольственного рациона. Влияние охоты, впрочем, не ограничивалось лишь материальной сферой, ибо значительная часть верований, обычаев и немалая часть художественной культуры также были напрямую или опосредованно обусловлены, или сформированы этой сферой деятельности. Социальная организация орочонов также была неотделима от их хозяйственного уклада

и в свою очередь выделяла их самих в отдельную этнографическую группу. Немаловажно и то, что та особая сноровка и те специфические навыки, которые кочевая, а затем и полукочевая жизнь в тайге вырабатывала у представителей этого народа, выгодно выделяла их на фоне соседей. В семь-восемь лет юный орочон хорошо скакал на лошади, к десяти метко стрелял, а в 14–15 лет мог уже в одиночку охотиться в лесу [Фан, Цуй 2007]. Подводя итог, можно сказать, что именно охота являлась основным этническим маркером для орочонов и тем важным базисом, на основе которого формировалось их чувство самоидентификации. Она пробуждала интерес к собственной культуре и в то же время обеспечивала преемственность поколений. Те специфические навыки, что являлись необходимыми к усвоению при кочевой и полукочевой жизни в тайге, передавались орочонами именно в процессе внутрисемейного общения, от отца к сыну.

Запрет на охоту и кризис идентичности

Все это рухнуло практически в одночасье, когда 23 января 1996 г. правительство Орочонского автономного хошуна приняло решение запретить на своей территории любую деятельность, связанную с охотой, обязало орочонов сдать имевшееся у них на руках оружие и настоятельно

порекомендовало им осваивать отличный от предыдущего образ жизни. Власти, руководствовавшиеся благими целями защиты окружающей среды и четко осознававшие угрозу биологическому разнообразию всего природного комплекса Большого Хингана, вместе с тем понимали, что предпринятые запретительные меры больно ударят по традиционному укладу жизни ороочонов и окажут сильное влияние на их психологическое состояние. В связи с этим были приняты беспрецедентные меры поддержки перехода коренных жителей региона к другим видам хозяйствования. К примеру, правительство автономного хошуна обязалось выплачивать всем ороочонам ежемесячные денежные компенсации, а также приняло решение обеспечить их новым жильем за государственный счет. Большое внимание стало уделяться и вопросу сохранения традиционной культуры ороочонов — открывались тематические музеи, стали проводиться разнообразные культурно-досуговые мероприятия, призванные пропагандировать народные традиции. Кроме того, места компактного проживания оседлых ороочонов в приоритетном порядке обеспечивались инфраструктурой, в том числе колодцами, фермами, больницами, учреждениями культуры и образования [Элунчунцзу 2013]. Правительство также запустило специальную программу, призванную стимулировать коренных жителей региона заниматься сельским хозяйством, малым бизнесом и сопутствующими производствами⁷. Одновременно проводилась масштабная пропагандистская кампания, призванная разъяснить ороочонам мотивы неоднозначного, с их точки зрения, решения местного правительства, а также обрисовать потенциальные преимущества новой политики «Цзиньле, Чжунаньчань» (Запретить охоту, переходить к производству).

⁷ Цели этой программы были сформулированы так: “林牧为主、农猎结合、多种经营” 转向 “农林为主、工贸并举、多元多业、多种经营、全面发展” (Сменить принцип «Линьму Вэйчжу, Хунле Цзехэ, Дочжун Цзинин» (Таежное скотоводство как основа, гармоничное сочетание сельского хозяйства и охоты, многоотраслевое хозяйство) на «Нулинь Вэйчжу, Гунмао Бинцзюй, Доюань Дое, Дочжун Цзинин, Цюаньмянь Фачжань» (Сельское и лесное хозяйство как основа, одновременное развитие торговли и промышленности, предпринимательский плюрализм, многоотраслевое хозяйство, всестороннее развитие)) [Элунчунь 1998].

⁸ Согласно исследованиям, более 41 % ороочонов не говорили на родном языке, при этом среди детей до десяти лет этот показатель и вовсе превышал 94 % [Сюй, Гуань 2001].

Поначалу казалось, что те очевидные экономические и социальные выгоды, которые несли с собой компенсационные меры правительства, будут способны подсластить ороочонам горькую пилюлю, вызванную запретом на традиционную хозяйственную деятельность. Газеты принялись рапортовать о том, как успешно ороочоны, лишь недавно принявшие оседлый образ жизни, движутся по пути модернизации, осваивая новые социальные и экономические роли. Эйфория, однако, длилась недолго. Первыми стали проявлять обеспокоенность судьбой ороочонов ученые-этнографы, которые сначала осторожно, а потому уже и в открытую принялись выражать озабоченность по поводу резко изменившейся этнокультурной ситуации в регионе. Во-первых, стало очевидным, что вслед за запретом на осуществление традиционной деятельности резко понизился уровень физического и психического здоровья ороочонов [Фан, Цуй 2007]. Во-вторых, уровень их владения родным языком также стал стремительно падать, причем это было особенно заметно в среде подрастающего поколения⁸. Кроме того, выяснилось, что те дома, которые правительство построило для них в рамках компенсационной политики, ороочонам не понравились. Были зафиксированы анекдотические ситуации, когда в центре нового жилища пожилые ороочоны ставили традиционный чум и при этом не могли понять, зачем же им нужно все остальное [Тан Гэ 2008]. Наконец, и это было самое существенное, ороочоны отказывались заниматься сельским хозяйством и открывать свой бизнес, не понимая ни сути, ни механизмов, ни потенциальной выгоды от этих занятий.

Китайские этнографы, с удивлением и разочарованием наблюдавшие за всеми этими процессами, предположили, что проблема состоит в том, что ороочоны от природы не обладают ни желанием,

ни мастерством, ни воображением, ни терпением для того, чтобы заниматься сельским хозяйством. С точки зрения ороочонов, как полагали за них ученые, добыча должна приносить доход и радость моментально, в то время как в сельском хозяйстве от посевной до сбора урожая проходит слишком большой период времени [Там же 2008]. Высказывались довольно обидные предположения и по поводу характера ороочонов: исследователи других национальностей представляли их неусидчивыми или неспособными к накоплениям. В их отношении был даже придуман специальный термин «сыбусян (четырежды не похожие) — не похожие на бизнесменов, не похожие на рабочих, не похожие на земледельцев и не похожие на фермеров» [Элуньчунцзу 2013].

Вскоре, когда в среде ороочонов превысил допустимые значения уровень алкоголизма и вызванной этим преступности, местные власти также забили тревогу. Как было обнаружено в результате их расследования, пособия, которые не зарабатывались, а доставались бывшим охотникам даром и по этой причине не особенно ими ценились, по большей части банально пропивались; кредиты, выданные на осуществление фермерской деятельности, ожидала схожая судьба. Крупный рогатый скот, безвозмездно предоставляемый властями хошуна ороочонам, они иногда просто-напросто забивали и съедали, как если бы это была дичь, добытая ими в тайге [Тан Гэ 2008]. Ороочоны, как свидетельствовали отчеты, целыми днями сидели в своих новых, так и не ставших им настоящими домами, жилищах и мечтали о том, что когда-нибудь закон о запрете охоты отменят и они снова займутся любимым делом, а также смогут наконец изведать настоящего мяса [Чжунго 2009]. Тем временем молодое поколение, подраставшее уже в новых социально-экономических условиях, стремительно теряло связь с представителями старшего поколения. Молодежи, как оказалось, было нечему учиться у стариков, чьи уникальные навыки и умения одним росчерком пера стали вдруг неактуальными. Семейное образование в результате окончательно уступило первенство образованию школьному, связь поколений полностью прервалась, и процесс утраты национальной культуры, а вслед

за этим и утраты всего национального кода приобрел необратимый характер. В итоге власти автономного хошуна вынуждены были признать, что в результате осуществления программы экономической и социальной помощи ороочоны стали еще беднее, при этом окончательно потеряв веру в эффективность проводимой правительством программы перехода от охоты к производственной деятельности [Элуньчунцзу 2013].

Интересно, что закон о запрете охоты доказал свою неэффективность не только в деле сохранения культурного многообразия. С точки зрения охраны природных ресурсов он также оказался, скорее, вредным, чем полезным. Дело в том, что на смену ороочонам, относившимся к дикой природе с определенным пиететом, а также хорошо понимавшим тайгу и жизнь ее обитателей, пришли браконьеры. По большей части это были ханьцы, уровень моральных ограничений которых оказался существенно ниже тех, что характеризовал ороочонов, а степень их экологической ответственности была и вовсе близка к нулю. Ружья, изъятые в связи с правительственным запретом, были заменены на капканы, и популяция диких животных Ороочонского хошуна стала уменьшаться со всё возрастающей скоростью.

Местные власти КНР, как правило, чутко реагируют на подобные негативные тенденции и стараются как можно скорее принять необходимые меры для того, чтобы исправить любые перекосы, вызванные нарушением этнического и культурного баланса. Когда было достигнуто понимание того, что бесплатная помощь со стороны правительства приводит лишь к росту иждивенческих настроений, было, к примеру, принято решение в будущем направлять деньги на создание возможностей для развития, а не на простое удовлетворение жизненных потребностей лишившихся возможности заниматься охотой ороочонов. В то же время, осознав, что политика мотивирования ороочонов к переходу к другому жизненному укладу оказалась провальной, в 2014 г. власти хошуна выступили с новой инициативой, предложив создавать в местах их компактного проживания особо охраняемые культурные территории [Цянь Лихуа 2014]. Парадоксально,

но по своему характеру эта новая инициатива поразительно напоминала тот самый закон 1996 г., который провозглашал запрет на охоту и создание особо охраняемых *природных* территорий. Однако присутствовало и важное различие: в этот раз объектом заботы или, правильнее сказать, опеки государства становилось уже культурное многообразие, которое существенно пострадало в результате мероприятий по сохранению многообразия биологического. Другими словами, понимая, что традиционная культура орочонов исчезает по причине введения особого режима природопользования, правительство принимает решение о введении особого режима «культуропользования». Таким образом, для борьбы с негативными последствиями запретительного решения двадцатилетней давности вновь были предложены подобные же запретительные меры.

На самом деле твердого понимания целей, задач и принципов функционирования подобных заповедников традиционной культуры до сих пор нет ни у властей автономного хошуна, ни у ученых и специалистов, занимающихся данной проблемой, ни даже у самих орочонов⁹. С одной стороны, озабоченные планами властей этнографы призывают не делать из подобных территорий с особым статусом «культурных супермаркетов под открытым небом», куда под предлогом экзотики можно будет завозить любителей экзотических туристов [Тан Гэ 2008]. Они осознают, что подобное развитие событий может привести к окончательному вырождению традиционной культуры, которая, будучи выставленной на продажу, перестанет служить орочонам источником самоидентификации. Это, к примеру, случилось с тувинцами Китая, проживающими в районе оз. Канас, расположенного в Синьцзян-Уйгурском автономном районе КНР¹⁰. С другой — многие журналисты и политики открыто заявляют о том, что ценными, с точки зрения общества, должны признаваться лишь те аспекты культуры, которые являются экономически выгодными

и способствуют дальнейшему росту ВВП Китая в целом и Орочонского автономного хошуна в частности [Цянь Лихуа 2014]. Очевидно, что в подобном случае ни о каком спасении традиционной культуры речь уже не идет. Здесь можно, скорее, говорить о ее полном уничтожении, даже если в результате подобных действий народная культура и «сохранится» в виде красочных брошюр, повествующих об очередном «загадочном» племени.

Охрана культуры и охрана природы: необходимость разных подходов

Представляется, что проблема в данном случае не только в том, что задачи сохранения культурного и биологического разнообразия зачастую находятся в состоянии неразрешимого противоречия. Эту ситуацию мы действительно можем наблюдать на примере запрета на охотничью деятельность в Орочонском автономном хошуне Китая, который в конце концов привел к резкой деградации традиционной культуры орочонов и даже поставил ее на грань полного исчезновения. Проблема ведь еще и в том, что методы сохранения биологического и культурного разнообразия не должны слепо копировать друг друга, ибо в каждом отдельном случае мы имеем дело с совершенно не похожими друг на друга явлениями. Охрана традиционной культуры и охрана природы преследуют разные цели и сталкиваются с неодинаковыми вызовами, а потому и подходы к их организации не могут быть идентичными. Именно потому запретительные меры, так хорошо зарекомендовавшие себя в природоохранной деятельности, вряд ли окажутся столь же эффективными в деле спасения культурного наследия орочонов.

Экологам, как известно, главной опасностью представляется промышленное освоение региона, наносящее непоправимый урон его экосистеме, в то время как туризм видится им в качестве здоровой альтернативы. Последний и вправду обеспечивает местных жителей определенным уровнем дохода и в то же время

⁹ При этом, согласно опубликованным в 2009 г. данным опросов, около 95 % орочонов поддержали идею создания культурно-экологических заповедников [Чжунго 2009].

¹⁰ Подробно негативное влияние развития массового туризма на сохранность традиционной культуры в этом районе рассматривает Т. Нгуен [Nguyen 2014].

принуждает их проявлять заботу об окружающей среде, которая в таком случае является для них источником этого дохода. Ситуация с культурным многообразием зачастую противоположна. Промышленное развитие не наносит ему существенного вреда, ибо предоставляет местному населению возможность достойного заработка без необходимости выставлять свою культуру на продажу. Беззащитная же коммерциализация, символом и причиной которой является массовый туризм, падкий на различные «особые территории», способна нанести ему огромный ущерб. Она в состоянии в короткие сроки уничтожить основы уникальной духовности коренных народов и полностью дискредитировать их основополагающие моральные ценности. Зачастую туристы чувствуют себя выше «аборигенов», «наблюдать» за жизнью которых они приезжают, а потому в душе они с некоторым скепсисом, а то и плохо

скрываемым презрением относятся к их культурным особенностям и считают себя вправе проповедовать чуждые ценности и поведенческие модели. Именно по этой причине, в отличие от мероприятий по защите природы, где ведущие роли, как правило, достаются сторонним, защита культуры должна быть предоставлена местным. Именно они должны решать, каков будет режим посещения территорий их проживания, и напрямую участвовать во всех процессах, связанных с судьбой их земли. А потому, вместо того чтобы вкладывать деньги в дорогостоящие программы сомнительной ценности, ставящие своей целью интеграцию и «перековку» местных жителей или изоляцию их от окружающего мира, усилия должны направляться на то, чтобы способствовать их прямому вовлечению в развитие родной культуры и заботу о том уникальном знании природы, которым они обладают.

Литература

Михалев 2012 — *Михалев М. С.* Ослепительность сумрака // Восточная коллекция. 2012. № 3 (50). С. 90–101.

Орочоны 2003 — 鄂伦春 Элунчунь [Орочоны] // 中国民族志 Чжунго Миньцзу Чжи [Этнография Китая]. 杨圣敏主编 [Ян Шэнминь (ред.)]. Пекин, 2003. С. 94–100.

Сталин 1946 — *Сталин И. В.* Марксизм и национальный вопрос // Сталин И. В. Собр. соч.: В 13 т. Т. 2. М., 1946. С. 296.

Сюй, Гуань 2001 — 徐世璇, 关红英 Сюй Шисюань, Гуань Хунин. 鄂伦春语使用现状分 Элунчунь Юй Шиюн Сяньчжуан Фэньси [Анализ ситуации с использованием орочонского языка] // Manchu Studies. 2001. № 1. С. 133–137.

Тан Гэ 2008 — 唐戈 Тан Гэ. 鄂伦春和鄂温克: 从狩猎民到农民的困境 Элунчунь хэ Эвэнькэ: цун Шоуле Минь дао Нуньминь дэ Куньцзин [Орочоны и эвенки: тупиковость перехода от охоты к земледелию] // Manchu Studies. 2008. № 1 (46). С. 89–94.

Фан, Цуй 2007 — 方征, 崔兰英 Фан Чжэн, Цуй Ланьин. 生活方式的变迁对鄂伦春猎民健康的影响 Шэньхо Фанши дэ Бяньчянь дуй Элунчунь Лемин Цзянкан дэ Инсян [Влияние изменений в образе жизни на состояние здоровья орочонов-охотников] // 民族体育论集 Миньцзу Тиюй Луньцзи [Сборник статей по физической культуре малых народов]. Пекин, 2007. С. 350–360.

Цянь Лихуа 2014 — 钱丽花 Цянь Лихуа. 鄂伦春传统文化保护, 有立法还要有办法 Элунчунь Чуаньтун Вэньхуа Баоху, Ю Лифа

Хай Ю Баньфа [Сохранение традиционной культуры орочонов: Есть закон и есть метод] // 中国民族报 Чжунго Миньцзу Бао. 2014. 8 августа.

Чжунго 2009 — 中国唯一纯狩猎民族在十年务农禁猎后有望重新拿起猎枪 Чжунго Вэйи Чунь Шоуле Миньцзу Цзай Шинянь Унун Цзиньле Хоу Юван Чунсинь Наци Лечан [Спустя десятилетие после введения запрета на охоту представители единственной народности охотников Китая вновь надеются взять в руки оружие] // 新华网 Агентство Синьхуа. 2009. 30 сентября.

Элунчунь 1998 — 鄂伦春自治旗做出禁猎决定 Элунчунь Цзычжици Цзоучу Цзиньле Цзюэдин [Эвенкийский автономный хошун принимает решение запретить охоту] // 中国民族年鉴, 1997. Чжунго Миньцзу Няньцзянь, 1997 [Ежегодник национальностей Китая, 1997]. 春世增主编 [Чунь Шицэн (ред.)]. Пекин, 1998. С. 365.

Элунчуньцзу 2013 — 鄂伦春族猎民“禁猎转产”后接续性产业的研究与探 Элунчуньцзу Лемин «Цзиньле, Чжуаньчань» хоу Цзэсуйсин Чанье дэ Яньцзю юй Таньсо [Исследования и анализ производительных процессов у охотников-орочонов после запуска политики «Запретить охоту, переходить к производству»]. 07.03.2013. URL: <http://www.elc.gov.cn/Item/5700.aspx> (дата обращения: 16.05.2017).

Maffi 2001 — On biocultural diversity: Linking language, knowledge, and the environment / Ed. by L. Maffi. Washington; London, 2001.

Nguyen 2014 — *Nguyen T.* 对民族文化记忆的诉求 Дуй Миньцзу Вэньхуа Цзии дэ Суцю [Призыв к памяти народной культуры] / PhD thesis. Minzu University of China, 2014.

Pretty 2009 — *Pretty J., others.* The intersections of biological diversity and cultural diversity // *Conservation and Society*. 2009. №7 (2). Pp. 100–112.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ

Кандидат юридических наук, докторант Центра азиатских и тихоокеанских исследований Института этнологии и антропологии им. Н. Н. Миклухо-Маклая РАН: Российская Федерация, 119991, г. Москва, Ленинский пр-т, д. 32а; тел.: +7 (495) 938-03-09; e-mail: maxmikhalev@yahoo.com

THE ENVIRONMENTAL PROTECTION AND THE MARGINALIZATION OF THE INDIGENOUS MINORITIES (THE CASE OF OROQEN IN CHINA)

MAKSIM MIKHALEV

(Institute of Ethnology and Anthropology, Russian Academy of Sciences:
32a, Leninskiy av., Moscow, 119991, Russian Federation)

Summary. Most of the researchers nowadays recognize that the traditional values and the world-views of the indigenous peoples are intrinsically ecological and thus encourage those, who fear that the connection between man and nature can be lost in the near future, to look for inspiration in elaborating on their beliefs and practices. However, they tend to downplay the fact that this supposedly ecological mindset has evolved through the very practical reasons of organizing their interaction with nature on a fair basis and that for indigenous people care is never equal to enclosing. On the contrary, most of the modern NGOs and national governments alike tend to guard people off their natural surroundings while trying to protect the fragility of the environment. Naturally, such policies bring only more alienation that eventually destroys ecologically compatible cultures of the indigenous people. This article explores the case of Oroqen (Orochon), a small ethnic group of hunters and gatherers living in the North-East of China, whose culture and traditional lifestyle found itself on the brink of extinction after the local government introduced hunting ban in the area they inhabit.

Key words: Orochon, minorities in China, hunting ban, traditional culture, environmental protection.

References

中国唯一纯狩猎民族在十年务农禁猎后有
望重新拿起猎枪 Zhongguo Weiyei chun Shoulie
Minzu zai Shi Nian Wunong Jinlie hou You Wang-
zhong Chongxin Naqi Lieqiang [Decade after
hunting ban representatives of the unique hunting
minority of China hope to get hunting weapons in
their own hands] (2009) 新华网 Xinhua Agency.
2009. The 30th of September. In Chinese.

鄂伦春 Elunchun [Orochons] (2003) 中国民
族志 Zhongguo Minzu Zhishi [Ethnography of
China]. 杨圣敏主编 [Yan Shenmin (ed.)]. Bei-
jing. Pp. 94–100. In Chinese.

鄂伦春自治旗做出禁猎决定 Elunchun Ziz-
hiqi Jinlie Jueding [Evenk Autonomous Banner
decides to prohibit hunting] (1998) 中国民族年
鉴 Zhongguo Minzu Nianjian 1997 [Yearbook of
nationalities of China, 1997]. 春世增主编 [Chun
Shizeng (ed.)]. Beijing. P. 365. In Chinese.

鄂伦春族猎民“禁猎转产”后接续性产
业的研究与探索 Elunchunzu Liemin “jinlie,
Zhuanchan” hou Jiexuxing Chanye de Yanjiu
he Tansuo [Studies and analyses on production
processes among Orochon hunters after start
of the political agenda “Prohibition of hunting,
shift to production”] (2013). 07.03.2013. URL:
<http://www.elc.gov.cn/Item/5700.aspx> (retrieved:
16.05.2017).

方征, 崔兰英 Fang Zheng, Cui Lanying
(2007) 生活方式的变迁对鄂伦春猎民健康的影
响 Shenghuo Fangshi de Bianqian dui Elunchun
Liemin Jiankang de Yingxiang [Impact of change

of life style on health state of the Orochon hun-
ters]. 民族体育论集 Minzu Tiyu Lunji [Coll. pa-
pers on physical culture of minorities]. Beijing.
Pp. 350–360. In Chinese.

Maffi L. (ed.) (2001) On biocultural diversity:
Linking language, knowledge, and the environ-
ment. Washington, London. In English.

Mikhalev M. S. (2012) Oslepitel'nost' sumraka
[Glaring twilight]. Vostochnaya kolleksiya [Ori-
ental Collection]. 2012. No. 3 (50). Pp. 90–101. In
Russian.

Nguyen T. (2014) 对民族文化记忆的诉求
Dui Minzu Wenhua Jiye de Suqiu [Appeal to the
memory of folk culture]. PhD thesis. Minzu Uni-
versity of China. In Chinese.

Pretty J. et al. (2009) The intersections of biologi-
cal diversity and cultural diversity. *Conservation and
Society*. 2009. No. 7 (2). Pp. 100–112. In English.

Stalin I. V. (1946) Marksizm i natsional'nyy
vopros [Marxism and the national question]. Coll.
works. 13 vol. Vol. 2. Moscow. P. 296. In Russian.

徐世璇, 关红英 Xu Shixuan, Guan Hongy-
ing (2001) 鄂伦春语使用现状分析 Elunchunyu
Shiyong Xianzhuang Fenxi [Situation analyses
of usage of Orochon language]. *Manchu Studies*.
2001. No. 1. Pp. 133–137. In Chinese.

唐戈 Tang Ge (2008) 鄂伦春和鄂温克: 从狩
猎民到农民的困境 Elunchun he Ewenke: cong
Shouliemin dao Nongmin de Kunjing [Orochons
and Evenks: Dead-end of transition from hunting
to agriculture]. *Manchu Studies*. 2008. No. 1 (46).
Pp. 89–94. In Chinese.

钱丽花 **Qian Lihua** (2013) 鄂伦春传统文化保护, 有立法还要有办法 *Elunchun Chuangtong Wenhua Baohu: You Lifa, hai yao You Banfa* [Preservation of traditional culture of the

Orochons: Law versus methods]. *中国民族报 Zhongguo Minzu Bao*. 2014. The 8th of August. In Chinese.

ABOUT THE AUTHOR

E-mail: maxmikhalev@yahoo.com

Tel.: +7 (495) 938-03-09

32a, Leninskiy av., Moscow, 119991, Russian Federation

PhD, Post-doc Fellow, Institute of Ethnology and Anthropology, Russian Academy of Sciences
